

Skleněný
mústek
2015

В

ЖАРУ

НИНА А. СТРОГАЯ

Нина А. Строгая

В ЖАРУ

**SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015**

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSC 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Нина А. Строгая 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

Иллюстрация © Марик Войцех 2015

ISBN 978-80-7534-042-9

Содержание

1

Ночной кошмар Ивана Куницына

2

Я Люблю Мужчину

3

**«Сокровище мое... мое распутное,
мое безумное... прекрасное, смелое, нежное... сладкое
мое чудовище...»**

4

В Раю. Николай.

5

Конфеты и Глупости

6

**«...из-за чего, собственно, все сейчас...
из-за чего все так закрутилось вообще...»**

Предупреждение!

Данное произведение содержит откровенные сексуальные сцены и ненормативную лексику. Не допускается к прочтению лицам моложе 21 года, людям с неустойчивой нервной системой, беременным с той же проблемой, а также ханжам и прочим страдающим предрассудками и нетерпимостью персонам. Все действующие лица и события, описанные в данном тексте, являются вымышленными. Любые совпадения с реальными здравствующими или покойными людьми, либо персонажами придуманными, а также с фактическими или фантастическими событиями в прошлом, настоящем или будущем – случайны.

Памяти Марины, Лизы, Славы...

Недавнее прошлое. Санкт-Петербург.

«Надейтесь до конца! – воскликнул Ньюмен, похлопав его по спине. — Всегда надейтесь, мой мальчик! Никогда не переставайте надеяться! Вы меня слышите, Ник? Испробуйте все. Это кое-что значит – увериться в том, что вы сделали все возможное. Но главное – не переставайте надеяться, иначе нет никакого смысла делать что бы то ни было. Надейтесь, надейтесь до конца!»

Ч. Диккенс, «Жизнь и приключения Николаса Никльби»

вступительная

*My world is empty without you, baby
 My world is empty without you, baby
 And as I go my way alone
 I find it hard for me to carry on
 I need your strength
 I need your tender touch
 I need the love, my dear I miss so much
 From this old world
 I try to hide my face From this loneliness
 There's no hiding place
 Inside this cold and empty house I dwell
 In darkness with memories
 I know so well I need love know
 More then before
 I can hardly
 Carry on anymore
 My mind and soul
 Have felt like this
 Since love between us
 No more exist
 And each time that darkness falls
 It finds me alone
 With these four walls... (1)*

Ночной кошмар Ивана Куницына

Иван вышел на мокрую от дождя улицу, и тотчас же сырость проникла внутрь его существа, и он выдохнул ее теплым живым паром. «Странно, ведь не мороз же», – подумал Иван, содрогнувшись. С тоскою представив, что идти под морозящим дождем мрачными глухими дворами довольно долго, такси все же ловить не стал, поскольку был уверен в том, что там, в машине, на заднем сиденье, с ним обязательно случится нехорошее. Съежившись и спрятав руки в карманы, Иван смело шагнул в лабиринт подворотен. Дождь тихо барабанил по крышам, по оконным откосам, редко где горел слабый свет, казалось, что холод и уныние про-

брались в сердца даже самых уютных квартир и остались в них жить, бесцеремонно вытесняя прежних хозяев, так же, как и в душе Ивана поселились теперь навечно не дающий покоя страх и мучительное чувство безысходности и одиночества.

– Fuck! – выругался Иван, когда, вступив в глубокую лужу, почувствовал, как чавкнула вода в ботинке. Он шел, шел быстро, не оглядываясь, и высокую худую фигуру его насквозь пронизывал ветер, делая еще более слабым и незащищенным перед ненастьем. Иногда он переставал ориентироваться, но спасал какой-то животный инстинкт, не давая сбиться с пути в наступавшей порою крошечной тьме, невероятно угнетающей Ивана и порождавшей множество на редкость неприятных мыслей, с которыми невозможно было бороться, призвав на помощь воображение, и когда, наконец, Иван увидел перед собой дорогу, освещенную тусклым светом грязных фонарей, на душе его стало спокойнее.

Он вышел на безлюдный проспект и направился вдоль длинного ряда витрин, начиненных безжизненными истуканами в модных одеждах. Свет рекламных неоновых вывесок зланных заведений, мимо которых проходил Иван, не грел и был подернут туманной дымкой – в этот вечер город неудержимо напоминал Ивану Лондон Диккенса.

Миновав знакомую арку, под сводами которой скрывались от дождя девицы в пестрых одеждах, Иван остановился у стеклянных дверей ресторана. С любопытством разглядывая девушек, он заметил, что у одной из проституток – смуглой, костлявой брюнетки с короткой стрижкой «каре» – все зубы золотые, и когда, выглядывая время от времени на проспект, она улыбалась, озаренная огнями ресторана, зубы блестели необычайно ярко и желто. Вторая девица была одета в зеленое, состоящее из крошечных и, казалось, живых чешуек платье, которое плотно облегало стройную фигуру и напоминало наряд ящерицы или змеи. Самая старшая из них – маленькая и вертлявая, похожая на птичку колибри,

но не такая хрупкая и легкая, – беспрерывно хохотала и выглядела экстравагантнее, чем остальные – к шиньону на затылке у нее было приколото большое пушистое, выкрашенное в насыщенный ягодный цвет, перо, покрывающее белокурою головку, а на корсете посреди груди цвела алая роза из шелка.

Иван в упор смотрел на девушек, ошарашенный их театральными туалетами, но, взглянув на свои заляпанные грязью, поношенные кеды, с досадой подумал, что, несмотря на вычурность, даже шлюхи одеты лучше него, а еще он подумал, что, вероятно, сходит с ума, ведь всего несколько минут назад он был абсолютно уверен в том, что вышел из дома в дорогах, из мягкой кожи, ботинках.

Иван тяжело вздохнул и робко шагнул к кутившему на ступеньках метрдотелю. Это был высокий светловолосый мужчина средних лет с глубокими залысинами на лбу и каким-то необычайно надменным выражением лица. Иван виновато улыбнулся ему, а метрдотель, в свою очередь, устремил ледяной взгляд прямо в карие очи Ивана, и тот в ужасе отпрянул – никогда в жизни он не видел таких жутких, проникающих в самое сознание глаз.

– Тебе чего, парень? – злобно усмехаясь, спросил метрдотель.

– Пустите меня, пожалуйста, – у меня встреча с приятелем... Максом. Возможно, вы его знаете, он часто здесь бывает, – набравшись храбрости, лепетал Иван и не узнавал своего голоса. «В конце концов, я стригусь у отличного парикмахера», – мелькнуло у него в голове.

– Пустить тебя в зал? Да ты в своем уме? У нас дресс-код сегодня – закрытая вечеринка, слышал? – ослабил метрдотель, презрительно оглядев Ивана с головы до ног.

– Я могу... я... я вам денег дам, о'к? – предложил Иван и, засунув руку в задний карман, не ощутил, к своему великому удивлению, ожидаемого хруста денежных купюр, которые положил туда накануне вечером. Это неприятное обстоятельство незамедлительно отразилось у него на лице. – Что ж такое? Мистика ка-

кая-то, – хрипло произнес Иван.

– Да уж чего мистичнее, – мерзко хихикнул метрдотель, бросил окурок в лужу перед собой и со словами: «пойдем со мной, дружок», – нырнул под арку.

– Так вы меня пустите? – повторил вопрос Иван и мимо сочувственно глядевших на него девиц последовал за метрдотелем во двор.

– Пустите, пустите... – эхом отозвался тот, со скрипом открывая дверь в парадную и знаком приглашая Ивана внутрь.

Иван мало что понимал, когда поднимался по лестнице, тупо уставившись в широкую спину метрдотеля, а когда они добрались до дверей квартиры, которая находилась на последнем этаже, отважно вошел в нее первым, быстрым шагом пересек открывшуюся взору комнату и сел на кушетку возле окна, осознав в этот момент, что избавился от мучивших его дрянных мыслей.

Комната, в которую попал Иван, имела вид весьма убогий, быть может, его лучшему другу Николаю она напомнила бы тюремную камеру, в которой тот никогда не был. Кирпичные стены без обоев, кое-где заклеенные плакатами с изображением музыкальных звезд прошлых лет, залитый и потрескавшийся от времени паркет, мутное, в разводах окно и никакой мебели, кроме скрипящей кушетки и стола, заставленного пустыми бутылками. Иван не помнил, когда последний раз находился в такой отвратительной обстановке и находился ли когда-нибудь вообще, к тому же начинал задаваться вопросом: зачем он здесь, и что нужно от него человеку в темном пиджаке. Громкий окрик хозяина вывел Ивана из состояния задумчивости.

– Эй, парень, в первый раз, что ли?

«В первый раз – что?» – Иван поднял глаза и увидел над собою ухмыляющееся лицо метрдотеля.

– Ну, вставай, вставай, дружок, – метрдотель схватил его за локоть и вытащил на середину комнаты.

Иван оцепенел от неожиданности и омерзения, когда метрдотель притянул его к себе и поцеловал, засунув язык чуть ли не в самое его горло. Иван попытался освободиться, но странным образом силы покинули его – мозг не посылал конечностям сигналов, все тело будто парализовало. Спустя минуту, стоя как вкопанный, Иван молча наблюдал за действиями метрдотеля, который, не торопясь, собрал все стоявшие на столе бутылки в старый замызганный полиэтиленовый пакет, аккуратно расправил скатерть с длинною бахромой и стряхнул с нее крошки – этот жест показался Ивану особенно циничным, а мысль о том, что старый извращенец сейчас трахнет его – чудовищной.

Ивану было гадко и страшно от сознания того, что он не может ударить или, на худой конец, оттолкнуть этого нахального, бесцеремонного мужика, который, как гигантская пиявка, присосался к его шее и, запустив теплую, на удивление мягкую руку Ивану под свитер, другую расстегивал молнию на его джинсах. И, тщетно пытаясь увернуться от влажного приторного рта, от позорной своей беспомощности, от всей нереальности происходящего с ним в этой комнате, Иван тихо стонал и думал, что это злая шутка, которую сыграла с ним его же собственная совесть.

Тошнота подступила к горлу Ивана, когда метрдотель, навалившись всем своим невероятно тяжелым телом, – почти что нежно – заставил его согнуться над освобожденной поверхностью и, распластав лицом вниз, стянул с него джинсы. В этот момент Ивану казалось, что пол уходит у него из-под ног, своих рук и пальцев, крепко сжимающих вонючую зеленую скатерть, он тоже не чувствовал, зато ясно и остро переживал то, как болезненно и глубоко входит в него метрдотель.

– М-м-м-м-м-м, скотина... грязная скотина... – простонал Иван.

– А-а-а-а, к нам вернулся дар речи? Ну что ж, поболтаем. Расскажи-ка, дружок, как дошел ты до жизни такой?

– Прекрати...

– Я только начал, – хихикнул метрдотель.

– Тогда давай быстрее...

– Ну-у-у, это как получится – я вообще торопиться не люблю – и что это за разговоры такие? С каких это пор желания клиента для проститутки не закон, – метрдотель грубо схватил Ивана за волосы, – а? Я тебя спрашиваю, маленькая дрянь?

– С-с-с-с-с, я не проститу... – не договорив, Иван прикусил от боли губу.

– Самая настоящая, но много я тебе не дам, потому что ты дешевка.

– Нет! – Иван хотел сказать громко, но выкрик его утонул во всплеске оваций, внезапно донесшихся из маленького телевизора, стоявшего на сером от пыли подоконнике.

– Не дешевка?

– Не нужны мне твои деньги, козел!

– Ах, да-а-а, ты ведь у нас богатенький Буратинка. Папенька – пушной магнат, на то бабло, что он тебе башляет, сможешь прожить до старости.

– Тупой, жестокий ур-р-род, – зло прорычал Иван.

– Кто? Я?

– Отчим мой. Откуда ты его знаешь? Кто ты? Господи, как больно...

– Как же ты так? Про своего благодетеля? – наигранно ласково спросил метрдотель.

– Не благодетель он мне и ничего, кроме денег, дать не может.

– А ты хочешь чего-то еще?

– Ну, я же сказал – не нужны мне деньги, – Иван закрыл глаза, он чувствовал, что вот-вот заплачет, но доставить и такое удовольствие своему мучителю никак не хотел. «Кто это? Что нужно от меня этому садисту? – думал Иван. – Почему, почему я не надел костюм?»

– Но отказаться от них не можешь. Значит, нужны все-таки. Ох, как нужны, – усмехнулся метрдотель.

– М-м-м-м-м-м...

– А чего так вырядился? Под нищего зачем косишь? Не стыд-

но тебе – хлеб отбирать у бедных голодных, деточек? Ишь, прикинулся, в такую-то погоду – тоненькая курточка, драные джинсики, тьфу!.. говорю же – дешевка!

– Это до черта дорогие штаны, – с трудом выдавил из себя Иван.

– А-а-а-а, я понял – розовенькому, откормленному поросенку захотелось побарахтаться в большой грязной луже, как следует изваляться в дерьмеце. Знаем, знаем таких извращенцев. Ну же – я прав?

– ...

– Отвечай, гаденыш! – метрдотель снова сильно дернул Ивана за волосы.

– Отпусти... прошу... больно... – стонал Иван.

– Я думал, тебе нравится испытывать боль.

– Нет... я не выношу, когда меня мучают... – Иван попытался приподняться, но снова у него ничего не получилось, как в страшном сне, когда надо спастись бегством, а ты стоишь, не в силах сдвинуться с места. – «Что за наваждение? Когда же закончится этот кошмар? А вдруг я заболел?» – думал Иван.

– Так тебе и надо, – читая его мысли, отрезал метрдотель, продолжая свое действие, не прерываясь ни на секунду и иногда вздыхая от удовольствия. – Вот я порадуюсь, когда, подцепив какую-нибудь заразу, ты будешь валяться на больничной койке, – шептал он на ухо Ивану.

– Ну, скоро ты кончишь, урод? – захныкал Иван, ощущая на своих губах слюни метрдотеля. Все сильнее тошнило, и к ставшим уже невыносимыми анальной боли и напряжению в пояснице присоединилась еще одна – острая, раздирающая на части боль: Ивану казалось, что все те титановые пруты и винты, которыми после травмы ему скрепили позвоночник, вываливаются из остова и режут, и рвут его изнутри.

– Пожалуйста, хватит! Не надо! Не могу больше! – взмолился Иван.

И тут метрдотель захрипел в экстазе, и через мгновение, отце-

пившись от Ивана, застегнул брюки, отошел в сторону и закурил. Почувствовав сильнейшую слабость, Иван понял, что падает, увлекая за собою скатерть. Таким образом, в полуобморочном состоянии он оказался сидящим на полу со спущенными штанами и со скатертью в руках, потому как не в состоянии был даже разжать пальцы. Иван думал – кому-то со стороны в этой нелепой позе он мог бы показаться комичным, но самому ему больше всего теперь хотелось умереть – так было больно и стыдно.

Затушив сигарету об стену, метрдотель подошел к Ивану и, приподняв его за подбородок, сказал:

– Мне хочется тебя ударить. Ну же, попроси меня об этом. Иван вымученно улыбнулся и, повернув голову в сторону окна, уставился в экран телевизора, пытаясь сконцентрировать на нем все свое внимание. Передавали новости, и комментатор сильно картавил. Иван перевел взгляд на стоявшие рядом пузатые часы-будильник и заметил, что покрывавшее циферблат стекло треснуло, стрелки остановились и показывали три часа. «Ночи или дня?» – задумался Иван, которому казалось, что с того момента, как он вошел в проклятую комнату, прошла целая вечность, – ему не приходило в голову, что часы могли «сломаться» задолго до его появления в этом месте.

– Ну, скажи что-нибудь, маленькая дрянь! Долго еще я буду ждать?! – рявкнул метрдотель и, схватив Ивана за плечи, грубо встряхнул его, но, услышав в ответ только глухой стон, выругался и осуществил свое желание – наотмашь, сильно ударил Ивана по лицу. От такой оплеухи у того потемнело в глазах и ручьями потекли по щекам слезы – всхлипывая, Иван опустил голову.

– Ладно, ладно, милый, знаю, ты любишь произвести впечатление, – метрдотель ободряюще похлопал Ивана по плечу. – И ты действительно эффектный мальчик. Но не обольщайся, дорогуша, ты всего лишь подделка.

Иван заплакал сильнее, ему казалось, что от нервного перенапряжения он вот-вот потеряет сознание. Он посмотрел на метр-

дотеля, но не увидел его, потому что тот вдруг исчез, как видение растворился в воздухе. Всерьез опасаясь за свой рассудок, Иван огляделся вокруг – в комнате действительно никого не было. Несколько минут Иван сидел, боясь пошевелинуться и снова вызвать кошмар к жизни, потом безразлично откинув-таки ненавистную скатерть, медленно натянул джинсы и осторожно поднялся. Пошатнувшись, Иван схватился за край стола – ноги его тряслись, голова кружилась. Он застегнул штаны и, проведя по ним руками, тотчас же отдернул – джинсы были сырыми и липкими.

Услышав тихий скрип, Иван посмотрел на дверь и, увидев в проеме улыбающегося метрдотеля, решил, что выбросится из окна, если тот еще раз дотронется до него.

– Хочешь выпить, дружок? – неожиданно дружелюбно спросил метрдотель, потягивая бутылкой водки.

Иван отрицательно мотнул головой и, чувствуя, что его сейчас вырвет, поднес руку ко рту. Тогда метрдотель со свирепым выражением на лице быстро подошел к нему, схватил за запястье и потащил к выходу. Чудом спустившись с лестницы и оказавшись на улице, Иван ощутил некоторое облегчение. Все так же моросил дождь, и волосы его мгновенно покрылись сетью живой ртути.

Метрдотель пихнул Ивана в зал, где его сразу же оглушила музыка. Несмотря на состояние заторможенности, Иван быстро нашел глазами своего приятеля, с которым так хотел встретиться сегодня вечером, и двинулся к нему через танцпол. Знакомые радостные лица мелькали вокруг, кто-то легонько дернул за рукав. «Ваня, Ванечка! Привет, darling! Привет, Роза!» – слышалось со всех сторон. Продравшись сквозь беснующуюся в танце толпу, Иван остановился перед столиком, за которым весело и шумно развлекалась компания красивых молодых людей. Отвечая на приветствия виноватой улыбкой, Иван присел рядом с Максом на мягкий угловой диванчик и, понимая, что его разглядывают с недоумением, хотел было возмутиться, но, будучи не в силах придумать *себе оправданий*, окончательно сник.

– Чего такой мокрый? – спросил Макс, делая знак официанту.

– Дождь на улице, не заметил? – хрипло ответил Иван, и дрожал, сильно дрожал всем телом. Он поднял глаза и увидел напротив Олю – свою бывшую девушку. В шикарном дорогом платье и золотых украшениях, выглядела она все равно ужасно: мертвенно бледная, настолько худая, что казалась прозрачной, она смотрела на Ивана сочувственно и печально, так же, как те девицы в подворотне.

Иван хотел было сделать глоток вина, но руки тряслись так, что он не мог удержать бокал, – он вспоминал метрдотеля и его слова про заразу, про *гадость*, которую он, возможно, скоро подцепит – которой *тот, возможно*, его только что одарил, и Ивану казалось, что он уже болен, и что болеть будет бесконечно долго и тяжело, и что в больницу ему будут приносить красивые, красные, с душистым ароматом цветы – и снова рыдания рвались наружу, и он не мог остановить их.

– Что случилось? У тебя все в порядке? – спросил кто-то из компании, но Иван лишь отрицательно мотнул головой.

– Дайте очки... темные. Есть у кого-нибудь? – спросил он, прикрывая рукой глаза. Но очков ни у кого не оказалось, и тогда Иван заплакал еще горше.

– Да что с тобой такое, Ваня? – раздраженно спросил Макс. Он раскрыл принадлежащий кому-то из девушек, лежащий на краю стола, маленький клатч и, порывшись в нем, достал зеркало, которое сунул Ивану под нос.

– Посмотри, посмотри, на кого ты похож, кретин! Неужели тебе не стыдно?! – вонзаясь в мозг Ивана, как шипы ядовитого растения, слова Макса звучали громко, четко, жестоко без меры и напоминали речь метрдотеля.

Спустя мгновение Иван почувствовал, как кровь вся будто бы отлила от головы, вытекла из сосудов и впиталась в пол под ногами, и всё исчезло, провалилось в пустоту: раздражающий шум голосов, грохот музыки, резкие, удушающие запахи парфюма, та-

бачного дыма и алкоголя – всё. И перед глазами Ивана поплыли странные, причудливо изменяющие форму и цвет картинки, такие, какие видят люди перед тем, как начинают засыпать...

Иван открыл глаза. Он не сразу понял, где находится, очнувшись от бесконечного ночного кошмара. Наконец сквозь мутную пелену проступили знакомые очертания комнаты. Иван приподнялся на кровати. Его знобило, сильно саднило горло, голова раскалывалась, а в ноги будто налили свинца. Иван поднес руку к горячему лбу и снова опустился на подушки.

В комнате было темно, громко тикали старинные настенные часы, холодный осенний воздух проникал в спальню сквозь открытое окно. «Как же натурально-то все было», – подумал Иван, постепенно приходя в себя. Приподнявшись на локте, он взял со столика возле кровати телефон и, нырнув обратно под одеяла, набрал номер своего лучшего друга.

– Алё, – послышался недовольный, сонный голос Николая.

– Спишь?

– ...

– Мне сейчас снился какой-то ужас нечеловеческий...

– Боже мой, Ваня... – раздраженно ответил Николай.

– Меня трахнул метрдотель. Мордovorот такой, скотина. Подошел бы для твоей серии портретов про...

– I am stuиng, – с наигранным сочувствием перебил его Николай.

– Он принял меня за проститутку...

– А за кого он должен был тебя принять, за мальчика-звезду(2)? – хрипло рассмеялся Николай.

– Дело даже не в том, что он сделал, – не обращая внимания на шутливый тон друга, тихо продолжал Иван, – но как, и что при этом говорил, кем называл меня...

– И кем же он называл тебя? Земляным червяком(3)? – не унимался Николай.

- Поросенком, дрянью, дешевкой, подде...
- Ах-ха-ха, поросенком?
- И ты туда же...
- Нет, просто это твои любимые слова, ты так выражаешься постоянно, – еле сдерживал смех Николай.
- Издеваешься? – обиженно буркнул Иван.
- Нет, это ты издеваешься, – голос Николая сделался серьезным, – похлеще, чем этот твой метрлотель. Ты у врача был?
- Был. После этого и снится мерзота всякая.
- Когда?
- Вчера.
- Один раз?
- Угу. Полдня купил – побыстрее отделаться, – засмеялся Иван.
- Полдня купил? Бля-я-я... Ур-р-род! Ничего по-человечески сделать не можешь!
- Ты сказал – я сходил. Давай медаль.
- Хуй тебе, а не медаль!
- О-о-о-о, это еще и лучше будет, – продолжал смеяться Иван.
- Хватит уже. Что она сказала?
- Сказала, что у меня температура и отправила домой. Кхе, кхе... температура у меня.
- Ур-р-род. Ты рассказал ей?
- Угу.
- О чем, «угу»?
- О детстве.
- Понятно. А что, она о детстве твоём еще не знает разве?
- Не-а.
- О чем еще? Про похождения свои рассказал?
- Не-а.
- Почему?
- Постеснялся.
- Постеснялся? Прибить тебя мало...
- Да шучу я, шучу, рассказал я все.
- Что доктор?
- Сказала, что у меня температура и отправила домой, – снова

засмеялся Иван.

– Весело тебе, да?

– Ну, не плакать же все время... Коля?

– Что?

– Можно, я приеду?

– Нет, – сухо ответил Николай.

– Пожалуйста...

– Нет.

– Прости меня...

– ...

– Fucking shit, Коля! Ну, пожалуйста! Пожалуйста, прошу тебя... моя Черная Курица(4), моя Снежная Королева(5), Коля... Ну, Коля... ну, прости уже, о'к? – по-прежнему довольно весело, с легкой иронией, но сильной, однако, тоской, ощутимо вполне, вполне себе явственно, очевидно так переживая, продолжал борьбу Иван.

– ...

– Ты же простишь меня, правда? Ты ведь не бросишь меня, Коля?

– ...

– Мне плохо, Коля, и больно, и страшно, как никогда, – голос Ивана дрогнул.

– С чего бы это, а? – раздраженно спросил Николай.

– Ты знаешь, Коля... ведь ты понимаешь, Коля...

– Я понимал – так могло быть – когда мама твоя погибла, когда ты сам еле на ноги встал, но сейчас... сейчас ты оказался там, где хотел – сам выбрал. И что тебя не устраивает теперь? Чего не хватает?.. Вокруг столько народу, и, как ты там говорил, помнишь? – все любят тебя, восхищаются тобой... хотят... и девочки, и мальчики, – усмехнулся Николай.

– Ты мне нужен. Только ты.

– Пф-ф-ф, не болтай ерунды. Хватит мне эту хрень без конца втирать. Ты вообще кому врешь-то?

– Честно, Коля, правда! Ну поверь мне! Ну прости! Я действительно хотел как лучше сделать. На самом деле все исправить хо-

тел. *Сам* – понимаешь?.. Ну, *случайность это*, понимаешь? Ну, вышло все так хуево просто. Засада, бля! Злой рок какой-то просто! Я до сих пор поверить не могу, что так получилось все...

– Зато я могу. Видел. Видел я, как ты старался, как исправлял – свет еще не успели погасить, дрянь ты бесстыжая, – крайне сердито и с презрением отвечал Николай.

– Ну не было ничего! Не было тогда ничего! Я клянусь тебе! Всем, что у меня есть, клянусь! – с отчаяньем, но не сдавался Иван.

– У тебя ничего нет. Ничего больше не осталось, слышишь? – ничего из того, что было мне ценно, – тихо, сдержанно добавил яда Николай.

– Коля... Коля... я понимаю, я – идиот. Тупоголовый кретин, да! Мудак, бля!.. порочная тварь! Но я люблю тебя! – Ивану казалось, что, разваливаясь на мелкие куски, он стремительно летит в пропасть.

– Хватит. Надоело, – устало очень, все так же спокойно, стойко гасил Ивана... себя гасил тоже Николай. – Давай спать. Я работаю помимо прочего, забыл? У меня студия... проект новый, и не один, помнишь? Вот еще с музейщиками тоже, рассказывал же. Статью сейчас серьезную пишу, видел же, Иван. Вдобавок ученики – бездарности ленивые. Вымотался я чего-то, понимаешь? – И внезапно, опять возвращаясь в реальность, с сарказмом добавил:

– Хотя, куда тебе – ты же из кровати не вылезает. А я... я сплю по три часа в сутки и вместо того, чтобы хоть раз отдохнуть по-человечески, вынужден в гнилом болоте полоскаться, в этом мусоре, в дерьме этом бесконечном. Когда закончится, Ваня? Отпусти, слушай, а...

– Ну да – ты у нас, конечно, безупречный. Белый и пушистый. И никакая грязь к тебе не пристаёт, а даже если где испачкаешься чуть – сразу в душ, потереться хорошенько, и никто никогда ни о чем не догадается. Правда, Коля? – не хотел, но сказал Иван, из которого вдруг снова, такой неудержимый, дикий, распоясавшийся, оголтелый такой, выскочил маленький брат-близнец – чертенок, вероятно, та самая вертихвостка – да! – скорее всего, она –

на редкость бесстрашная, отчаянная даже, дерзкая, до крайности упрямая, порочная тварь. Несмотря на озноб, Иван откинул одеяла и сел на кровати.

– Ты что несешь, а?

– И, знаешь, спать ты мог бы больше и выспаться лучше, если бы не ублажал продюсера своего, галеристку свою долбаную, госпожу, бля, свою, Анжелику, бля! – разошелся Иван. – Это же она устраивает тебе выставку персональную в Париже? Или где? В Мадриде?

– Вообще-то, Ваня, выставка в Москве, и Мари не имеет к ней никакого отношения, – тихо засмеялся Николай, – А ты, я вижу, ревнуешь. Узнал, что такое? – выдал новую порцию отравы Николай,

– Я давно уже знаю, – не сказал Иван.

– Скажи-ка мне, друг мой, а ты помнишь, как в любви мне признавался? М-м-м-м-м, у меня до сих пор – от одной только мысли об этом встает – так чувственно у тебя получилось, так искренне, так страстно. А как трахнуть тебя умолял? – потому что большего счастья для тебя в жизни не представлялось, кроме как рядом со мной любой ценой оставаться – черт меня дернул тогда пойти у тебя на поводу. Но месяца не прошло – очухался в люксовой палатке под капельницами волшебными, побежал приключений искать – новые знания на практике закреплять. И, помнишь, в августе – какая-то на редкость душная, пыльная ночь была тогда – когда я вытаскивал тебя с помойки той со сломанными ребрами. Но тебе этого мало было. Понравился, видимо, экстремальный секс. Протащило, блядь, тебя! Проперло мальчика!.. Я не прав разве, Ванечка? – усмеялся Николай.

– Бля-я-я, Господи, ну зачем ты? Ведь все не так, совершенно. Ты же знаешь все, Коля, – пытался возражать Иван. – Знаешь ведь, я понравиться тебе хотел, удовольствие доставить – доказать тебе, Коля!.. Ведь ты же любишь *таких*, я думал, ты любишь *таких*, – зло и одновременно жалобно оправдывался он.

– Нет, Ваня, *таких* я с удовольствием ебу, а люблю я совсем других, – продолжал Николай в свойственной ему последнее вре-

мя ядовитой манере.

– Коля... ну, прости меня, Коля...

– Заткни пасть! – приказал Николай, – Тебе блядью стать захотелось? Ты каждому желающему отсосать решил? Что ж, молодец – ты этот Эверест покорил почти, а *сколькому научился*, наверное, – усмехался он.

– Ну что ты? Зачем придумываешь? Ты так говоришь, будто я с сотней переспал уже, – пытаюсь взять себя в руки, ответил Иван и тут же подумал: «Какая сотня? Что я несу?»

– Да, этот твой дружок целой сотни стоит – клейма негде ставить, издалека все понятно становится. И ты в такого же скоро превратишься. Отличная из вас выйдет пара, – посмеивался Николай.

– Коля, не надо... пожалуйста, не надо. Я, правда, просто договориться хотел. Сам все решить хотел, правда. А *он...* а *он...* – лепетал и был в ужасе от своего лепета Иван.

– Хватит... хватит Лору Палмер(6) из себя корчить, жертва, блядь! Да ты просто naughty, dirty, rotten boy(7)! И учиться не надо – все в крови у тебя, – грубо отчитывал Ивана Николай. – Только одну важную вещь ты не учел: по-настоящему классные шлюхи не боятся, не прибедряются, совестью не мучаются и на судьбу свою не ропщут: скажут им лежать, терпеть и радоваться – они на сутки в нужной позе застынут с широкой улыбкой на устах. Так что, Ванечка, блядь ты и правда дешевая, недоделанная. Ну, ничего, все с опытом приходит, – по-прежнему сердито и невероятно презрительно продолжал Николай.

В трубке послышался женский голос.

– Она что, рядом? Она слушает? – прошептал совершенно поверженный уже Иван. Ему казалось – нет, он был уверен, – что даже не зная русского, *она понимает все* и смеется над ним.

– Угу, – подтвердил Николай.

– Why have you dropped your studies(8), prince Hal(9)? – с сильным французским акцентом вклинилась в разговор женщина. И так как-то двусмысленно прозвучали ее слова, и так свирепо вдруг, так безжалостно, со свежими силами, еще резче, еще гру-